

СДЕЛАЙ ШАГ К СВОЕЙ МЕЧТЕ

ОДНОЙ НОГОЙ В США

СТАНИСЛАВ ШАМАЕВ

Станислав Шамаев

**Одной ногой в США.
Сделай шаг к своей мечте**

«Writer's Way»

2023

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6 Ш19

Шамаев С.

Одной ногой в США. Сделай шаг к своей мечте / С. Шамаев —
«Writer's Way», 2023

ISBN 978-5-907485-59-4

Как сделать свою мечту реальностью? Как разрешить себе лучшую жизнь? Смогу ли я стать гражданином другой страны? Возможно, вы задавали себе такие вопросы, но отмахивались от них, ограничивая свои возможности. А вот автор книги поверил, что его мечта может сбыться. В увлекательных, местами юмористических, а порой экстремальных историях он делится опытом и перспективами иммиграции в Америку. «Одной ногой в США» – его история об иммиграции в США, трудностях адаптации, работе и открытии бизнеса, получении виз для бизнесменов и талантливых людей, о семье и счастье. Да, да, о том счастье, которое в мелочах. Согласитесь, когда мы на примере видим, что у кого-то получилось невозможное, то начинаем верить в это и спрашивать себя: «А вдруг это и есть начало пути к моей мечте?»

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6 Ш19

ISBN 978-5-907485-59-4

© Шамаев С., 2023
© Writer's Way, 2023

Содержание

От автора	6
Часть 1. Мое становление	7
Пролог	7
Глава 1. Первое дело	9
Глава 2. Обмен опытом в Хантсвилле	11
Глава 3. Битва за бутылку водки	15
Глава 4. Как закалялась сталь	17
Глава 5. Проверка на прочность	20
Глава 6. «Загадочная» любовь	22
Глава 7. На распутье	25
Глава 8. Болезненный переход	27
Глава 9. Разочарование	29
Глава 10. Цыган коня не проморгает	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Станислав Шамаев
Одной ногой в США.
Сделай шаг к своей мечте

ИП Таргонский Пётр Викторович
© Шамаев С. А., текст, оформление

От автора

Идея написать эту книгу начала зарождаться еще с того времени, когда я получал первое образование, педагогическое. А что движет преподавателем? Конечно, стремление помогать окружающим, делиться с ними своими знаниями.

Именно поэтому весь тот период я, сам того не понимая, вынашивал мысль о передаче миру своего опыта, о помощи тем, кто готов к переменам и новой жизни.

Так и пришло решение написать книгу, основанную на автобиографии. Она рассказывает, как я, оказавшись в незнакомой стране без гроша в кармане и связей, осуществил свою давнюю мечту – жить счастливо и заниматься тем, что мне нравится.

Сейчас я – лицензированный адвокат, основатель корпорации Shamayev Business Law, которая помогла более 1500 человек со всего мира иммигрировать в США и начать жизнь своей мечты.

В этой книге на личном примере и на примере клиентов корпорации я показываю, что любой человек может получить билет в новую жизнь.

Вместе с тем моя книга будет полезна и тем, кто уже вполне состоялся в своем деле. Для них «новая жизнь» – это увидеть для себя новые горизонты и понять, что они не так уж далеки, как может показаться на первый взгляд.

Хотел бы, чтобы все, кто нуждается в помощи, знали – для каждого у нас припасен счастливый билет.

Я вполне осознанно выбрал роль проводника. Раз так, предлагаю подготовиться. Настал черед сделать шаг навстречу переменам.

Let's go!

Часть 1. Мое становление

Пролог

Еще пару минут назад я стоял на одной из улиц Майами возле красного «доджа» и объяснял водителю, молодому афроамериканцу, как проехать по указанному маршруту, а сейчас сижу в кресле и чувствую холодную сталь пушки у виска.

– Деньги давай, – сказав это, он выезжает почти на встречку, в последний момент кое-как выкрутив руль.

«Додж» опасно вильнул, а дуло пистолета больно ударило мне по скуле, вернувшись затем в исходное положение.

– Мужик, это преступление, – кое-как выдавливаю я из себя.

– Слушай...

Он не нервничает. Просто напрягается, как зверь перед прыжком. Я замечаю это боковым зрением, чувствую это сильное напряжение, а затем вдруг, почему-то совершенно спокойно, говорю:

– У меня ничего нет.

Хотя как же нет. В моем кармане шесть сотенных, аккуратно сложенных пополам купюр. Все наши с парнями сбережения, оставшиеся после концерта. Шесть сотен баксов в необычайно глубоком для шорт кармане.

Парень кидает на меня злобный взгляд и вновь переключается на дорогу, повысив тон:

– Ты врешь!

– Даже если было бы... – вновь чувствую ком в горле, – не дал.

Больше водила на меня не смотрит. Он убирает пистолет от моего виска лишь затем, чтобы воткнуть его в мои ребра. Раздается щелчок взводимого курка... Вот это уже ближе к тому, чтобы меня напугать. Гораздо ближе.

Глава 1. Первое дело

Наверное, все началось в 1998 году с нашего с мамой маленького предприятия. Хотя нет. Маминого предприятия. Она, полноватая женщина небольшого роста, хохотушка, для которой попасть на прием к губернатору Калужской области в обход всех вахтерш, гардеробщиц-уборщиц, швейцаров и секретарш вообще не было проблемой, наверное, никогда бы не согласилась, чтобы ее бизнес, ее маленький торговый ларек кто-то называл «нашим». Для нее это было не делом жизни – это и была жизнь.

Рано с утра мы едем на оптовый склад, затариваемся по полной программе и везем товар, упакованный в баулы, автобусами и троллейбусами на другой конец города. Рано – значит, вставая не за пять и не за десять минут до школы, а в основном за час до рассвета.

Умываюсь, делаю зарядку и окончательно просыпаюсь, чувствуя себя отдохнувшим и бодрым. Пытаюсь что-то наскоро перекусить, но мама настаивает, чтобы я хорошо поел. А дальше – быстро одеваемся и выходим в предрассветную темень. Мягкий желтый свет падает с высокого фонарного столба, освещая двор и ближайшие заросли кустарника.

– Стас, бегом! Троллейбус отходит, – мама не идет, а бойко, почти по-спортивному бежит к остановке.

– Ага!

Успевая заскочить в троллейбус, мы садимся на места в самом конце салона и обсуждаем логистику: как будем упаковывать и доставлять товар. А затем пересаживаемся на другой транспорт. На этот раз на автобус, который идет на окраину города – все базы там. Это места, где можно купить подешевле, чтобы затем продать подороже. Скажете, спекуляция? Уместнее, пожалуй, ритейлинг. Впрочем, гораздо честнее сказать – адский труд.

Толкаясь в очереди, доверху нагружаем и без того выдавшую виды «китайку», клетчатого монстра с неудобными ручками. Собрать всё по списку – та еще премудрость. Хоть учебники пиши.

– Ну куда шоколад-то кладешь? Сломается! – всплескивает руками мама.

– Ой, да что ему будет? Шоколаду этому, – я пытаюсь запихать пару десятков батончиков «Сникерс» в баул как попало.

– Я говорю, наверх положи. А бутылки пластиковые – вниз.

Секунда молчания и...

– Так, давай перекладывай всё!

Вот этого все время и боишься. Ничего не поделать. Теперь придется ставить баул на пол, мысленно проклиная оптовые склады с их огромными площадями, производителей ломкого шоколада и даже китайцев – изобретателей клетчатых сумок, а затем складывать все по новой.

– Стас! Тяжелое – вниз, легкое – наверх! Что непонятного-то? – получаю я очередной лайфхак от мамы.

Все нужно делать быстро, рывками. Рывками застегивать молнии на сумках. Рывками бежать обратно на остановку и пролезать в автобус. В нем – красные от уличного мороза, озлобленные лица пассажиров. Носы с широкими порами, духи «Красная Москва», какие-то непонятные дубленки и пар из множества недовольных ртов. И почти все как один говорят:

– Мальчик, куда заходим-то? Не видишь, людям стоять негде?

Или:

– Пацан, боками резче двигай! Не пройти никак.

Самое катастрофическое – старушки. Порою кажется, что планета с оси сойдет, если хоть одна из фанаток свекольных волос именно сегодня утром решит никуда не идти. Но нет. Утро в автобусе, что очередь на почте: средний возраст – "over 60", реакция на двух бизнесменов с большими пакетами – неприязнь.

А дальше – с пересадками к магазину, а точнее, небольшому ларьку на остановке: одна палатка с коридорчиком для входящих и застекленной витриной, за которой сидит продавец.

Надо спешить расставить все товары в правильном, почти академическом порядке. Муляжи жвачек, тянучек и шоколадных батончиков – выложить наглядно под окошком витрины, разноцветные пачки сока – поставить чуть пониже, от светлых к тем, что потемнее, стеклянные бутылки с алкоголем – на уровень глаз, чтобы взгляд радовался!

И так почти каждый день.

Мама стала бизнесвумен не от пылающего внутреннего огня и не от страсти к предпринимательству, а от негибимой воли и маленьких зарплат. Систематической недоплаты и неуважения к ее труду. Педагог в школе-интернате и товаровед на фабрике – ее предыдущие социальные роли. Учительница английского с оравой детей вокруг и песней про то, как «падает, падает Лондонский мост». Вечно бегающая туда-сюда, знающая все и обо всем сотрудница фабрики одежды. И там, и там – работа с утра и до глубокого вечера, а денег чуть больше, чтобы купить еду на месяц. Для себя и подрастающего сына, а еще мужа, начальника пожарной бригады.

Бывшего.

Папа-пожарный – почти что воплощение детской мечты. Красные машины с воющими на много кварталов вперед сиренами, десятки пожаров, несчетные суточные дежурства и спасенные жизни. Бригадой отец начальствовал долго, а после ухода из пожарной части, еще несколько лет проработав на заводе инженером пожарной безопасности, вышел на пенсию.

Обычно немногословный, папа однажды рассказал историю из советских времен, как во время тушения пожара в одной из квартир червонцы прилипали к подошвам сапог пожарных, и он следил, чтобы его подчиненные, даже случайно, не унесли с собой ни одной купюры. Так за все время своей службы он принес домой... промокший до нитки томик стихов Есенина – подарок благодарных хозяев спасенной квартиры.

После его ухода на покой, проводов и торжественных речей пожаров в городе меньше не стало, а вот денег в месяц убавилось ощутимо. Государство не сильно заботится о героях тогда, когда они больше не могут отдавать ему всех себя.

Так и вышло, что мамино первое дело стало работой, а...

– Молодой человек, мне «Винстон» синий дайте!

...главным источником дохода в семье.

Глава 2. Обмен опытом в Хантсвилле

Год 2000-й. Мне пятнадцать. Я первый раз в Москве, в аэропорту Шереметьево. Первый раз совершенно один, покинув родной город, преодолел почти двести километров, чтобы встретить маму, которая скоро прилетит из США.

В зале ожидания народу не протолкнуться. Я стараюсь пройти ближе к дверям, откуда должны уже скоро появиться пассажиры, но меня останавливает массивная дама за сорок, недоброжелательно сверля взглядом через большие линзы очков:

– Мальчик, не толкайся!

– Да... извините, – я пытаюсь сделать два шага назад, уходя из поля зрения упитанной мадам, и наступаю на ногу хрупкой блондинке.

– Да что такое! Осторожнее! – возмущается «вельветовая» леди лет двадцати, взмахнув фиолетовой сумочкой, и я вновь извиняюсь, решая больше не предпринимать попыток оказать сопротивление в первых рядах.

Прошло шесть недель с тех пор, как мама уехала в Соединенные Штаты. Воображаю, с какой радостью она проходила таможенный контроль на другом материке.

Как на вопрос офицера, который вооружился печатью и серьезным изучающим взглядом: «Какова цель вашего визита?» – она, просясь, ответила:

– Приехала по гранту обучения для бизнесменов.

Не терпится увидеть ее. Подумать только: всего каких-то полтора месяца разлуки, а мне кажется, что мы не виделись целый год. Оглядываюсь по сторонам, изучая толпу ожидающих. До чего же все разные и в то же время похожие друг на друга.

Одетые в разную одежду, разного возраста, национальности и телосложения, с разными привычками, навыками и мечтами.

Но каждый из нас одинаково смотрит на двери зала прилета – напряженно и одновременно предвкушая скорую встречу с близким человеком, – когда диктор по громкой связи объявляет:

– Прибыл самолет рейса Нью-Йорк – Москва. Пассажирам просьба пройти в зону выдачи багажа.

Еще десять минут перетаптывания с ноги на ногу, и...

Мама.

Выходит из раздвижных дверей. Везет за собой не один, а сразу два чемодана. Увидев меня в толпе, расплывается в улыбке и крепко обнимает, когда я подхожу перехватить чемоданы.

– Привет, Стася, – она всхлипывает, но тут же берет себя в руки и, вытирая слезы, вновь улыбается. – Я так соскучилась. Ты сам, один приехал меня встречать?

– Я уже достаточно взрослый, мам. Почему нет?

Вечером мы уже дома, и теперь, разбирая привезенные мамой многочисленные подарки (одежды тут хватит, наверное, на открытие еще одного магазина) я вспоминаю, как непросто дался ей выигрыш этого гранта.

С момента нашей первой совместной поездки на оптовый склад за первой партией продуктов прошло уже почти два года. Мамин бизнес пополнился еще одним металлическим вагончиком-ларьком, также усовершенствованным «предбанником». Была одна торговая точка, а стало две. И мы уже не вставали спозаранку, чтобы успеть на самый первый троллейбус, и не развозили товар вручную. Логистикой теперь занималась компания, с которой мы заключили договор. Ну а мама стала похожа на самого настоящего директора. Из добродушной начинающей предпринимательницы она совершила апгрейд до матерого, знающего свое дело управленца.

Узнав про то, что американское правительство предоставило особый грант, дававший возможность тридцати предпринимателям из Калуги приехать в Штаты и перенять опыт ведения бизнеса, мама думала недолго.

– Стас, я, наверное, поеду.

– А деньги? – тогда я знал об Америке лишь то, что билеты туда-обратно стоят целое состояние, а на флаге у них – звезды и полосы.

– Грант компенсирует все затраты. Как я поняла, они еще и сверху приплачивают.

– Вот так просто?

– Ничего не просто, надо отбор пройти. Я во время подачи заявления увидела в списке человек шестьсот.

– Да уж, но шансы-то все равно есть.

– Конечно, есть – прорвемся!

Харизма ли мамина помогла, амбиции или знание языка, или все вместе, но другие соискатели остались не у дел.

Мама собрала необходимый пакет документов, развезла их по всем контролирующим инстанциям, а потом... прошла все три этапа: письменное тестирование, устную беседу о достоинствах своего дела и финальное собеседование с комиссией.

В тот день, когда она пришла домой после того, как узнала о своей победе, ее было не узнать: весь вечер была задумчивой и слегка рассеянной. Видимо, переваривала мысль о том, что уже скоро она, отважная, но маленькая женщина из Калуги, попадет в абсолютно другую страну, другое полушарие, другой мир, наконец.

– Мам, а это чего? – я держу в руках длинную майку, чуть ли не до колен, с нарисованным спереди ярко-красным логотипом хоккейного клуба «Детройт Ред Уингз», одиннадцатикратным обладателем Кубка Стэнли, а на голове – крутейшая бейсболка с изображением сурового быка «Чикаго Буллз». Парни в классе за эти вещи передрались бы.

– Это я тебе в Нью-Йорке купила.

– Ты же говорила, что была в Алабаме, в этом... Хантсфилде.

– Хантсвилле, – укоризненно смотрит она на меня. – Это у них, между прочим, тоже своего рода Калуга. Надо бы знать тебе.

– В смысле у них тоже полно скульптур и храмов?

– В смысле это город космонавтики, Стас.

Мы смеемся и продолжаем разбирать вещи, сидя на полу в гостиной, там, куда бросили все чемоданы после ее приезда. Многочисленные футболки с логотипами команд NBA и американского футбола, толстовки и брендовые брюки. Я раскладываю на коленях широкие хип-хоп штаны. Однотонные, но безумно стильные.

– Эти я тоже в Нью-Йорке взяла. Там такие всё больше афроамериканцы носят.

– Так что ты там делала все-таки? Вы же бизнес вроде как должны были изучать. Я думал, ты в «Пабликсе» работала.

– Я и работала, но только две недели. А следующие две недели – в «Вин-Дикси». Их основной конкурент, кстати. Это было великолепно – столько всего изучила. Но до этого у нас была культурно-ознакомительная программа – неделя в Нью-Йорке. Там мы обменивались опытом с местными бизнесменами.

– Это ведь где Белый дом? Как он, видно его через толпы китайских туристов?

– Белый дом стоит в Вашингтоне, ты что! Статуя Свободы, Бруклинский мост и так далее.

Но там много туристов из Азии, это факт.

– А ты не туристка, что ли?

– Но я приехала не только делать сотни снимков и любоваться американскими достопримечательностями, – улыбается мама.

Бизнес-туристов по приезду в Хантсвилл подсаляли к семьям, захотевшим по этой программе стать волонтерами. Это было в произвольном порядке. Кому-то везло меньше, и они попадали к среднему классу американцев. Кому-то больше – их ждала зажиточная семья, живущая в большом доме и владеющая ранчо с несколькими гектарами земли.

Мама попала к одинокой женщине средних лет, Аноре, проженной американке до мозга костей. В перерыве между стажировками в крупнейших американских супермаркетах Publix и Winn-Dixie та втягивала ее в самые разные приключения: скачки на лошадях, увлекательный тур по совсем не туристическому штату Алабаме, плавание по Теннесси-ривер.

– Стас, ты знаешь, там ведь в Америке у каждой семьи свой дом.

– В смысле? А в «Брате» вроде как ничего кроме небоскребов не видать.

– Так это только в больших городах, да и то не во всех районах.

– У них тоже есть районы?

– Ну да. В Калуге – Октябрьский, Ленинский и Московский, а в Нью-Йорке – Бруклин, Бронкс и так далее.

– А в Алабаме?

Мы сидели в гостиной самой обычной хрущевки. В щебне-бетонной коробочке, где кроме нас проживала, наверное, сотня таких же семей. Я и представить не мог, чтобы у каждой из них был свой отдельный, пусть даже самый маленький дом.

– Как у Ильфа и Петрова. Сплошь и рядом «одноэтажная Америка».

– Seriously?

– Абсолютно, – в глазах мамы плескалось что-то похожее... не на зависть, а скорее на восхищение. – В каждой семье есть машина, а то и две. А если зайдешь к любому жителю штата на участок без разрешения, он имеет право стрелять на поражение. Там почти в каждом доме есть боевое оружие.

– Так ведь посадят, – в памяти мелькнула унылая тетка из детской комнаты милиции. Она приходила к нам однажды в класс, чтобы прочитать лекцию об опасностях употребления наркотиков и криминального образа жизни, а в качестве «бонуса» рассказывала страшные истории про статьи, этапы, КПЗ и условно-досрочное освобождение.

– Вряд ли посадят. Не имеют права, – ответила мама. – Это считается защитой своей частной собственности.

Трудно сказать, что впечатляет больше всего.

Мамина история про поездку в Америку, в которую еще недавно верилось чуть больше, чем в полет на Марс (такой далекой и неземной казалась эта страна). История про здания, крыши которых теряются в небе от головокружительной высоты, про «одноэтажность» и возможность отстаивать свои права до последнего, а также процветающие магазины и торговые центры, про музыкантов в нью-йоркском метро и оголтелых, самозабвенно танцующих уличных артистов брейк-данса. Или энергия, с которой она описывает все это. Энергия вулкана, готового вот-вот взорваться, извергнуться воплем чистого восторга.

Мама продолжает:

– Представляешь, меня один из зажиточных фермеров даже катал на своем частном самолете. У них там очень развита гражданская авиация. Аэродромы на каждом шагу! Я не верила своим глазам – еще минуту назад мы были на земле, и вот уже я смотрю на город с высоты птичьего полета! Мы летим в город на окраину штата.

Столько впечатлений за один день, что мне всю ночь снятся сны, как будто я на своем самолете путешествую по всему миру, а затем проводываю своих друзей и вручаю им крутые подарки из разных уголков света.

После поездки в США мама сразу же начала масштабироваться: тут же приобрела площадь для магазина, а впоследствии докупила еще несколько десятков квадратных метров. С этих пор бизнес пошел в гору.

А ее увлекательные, красочные рассказы о жизни в США, видимо, отпечатались у меня в голове на подсознательном уровне.

Я не знал, увижу ли своими глазами жизнь в Америке, убедившись или, наоборот, разочаровавшись в маминых словах. Но понимал, что, если мне представится возможность взглянуть на все воочию, обязательно ею воспользуюсь.

Глава 3. Битва за бутылку водки

Когда маме удалось расширить свой бизнес, стало значительно легче.

Конечно же, было непросто: долгие переговоры с владельцем помещения и местной «крышей», наверно, километры договоров о передаче собственности, актов приема-сдачи и нотариальных справок и ведомостей.

Как итог – еще одна торговая точка. Теперь уже просторный магазин с большим количеством продукции и несколькими продавцами. Совсем неподалеку от старого ларька. Настолько неподалеку, что новые продавцы, теперь уже подчиненные мамы-директора, частенько захаживают ко мне в конце смены разменять крупные купюры или избавиться от мелочи, когда той становится слишком много. А я... а я теперь почти за главного. Почти.

Все так же помогаю маме, стоя за прилавком. А порой ночую в ларьке на раскладушке, охраняя неотъемлемую часть маминого бизнеса. Даже когда отстаивать то, что она строила по кирпичику каждый день, приходится совершенно буквально... боем.

Утро. Самый его исход, когда автобусы ходят реже, а людей на остановках становится поменьше. Рабочий день уже начался, но только не для пьянчуг, которых в районе всегда много. Приземистые, опухшие, грустные мужички в непонятных спортивках в это время как раз просыпаются после вечерних посиделок во дворах, сбрасывают с себя комья грязи и снега (если приходят в себя под кустом или в подвале жилого дома) и идут искать опохмел.

С большинством я так или иначе знаком – они либо проходили мимо витрины, из-под тяжелых бровей поглядывая на мамин «радующий взгляд» алкоголь, либо запомнились безумным внешним видом, когда мы сталкивались на улице.

Этот посетитель ничем от них не отличался.

Я стою за прилавком, когда он вваливается в узенький коридорчик перед витриной. Хлопает входной дверью, в два шага подходит к витрине, опираясь на ее край липкими, красными от частных ночевок на улице руками, и покрасневшими глазами всматривается в стекло. На лице так и написано: «Вот это удача!»

Еще бы. Подвернулся шанс пообщаться с субтильным мальчиком-продавцом, а не какой-нибудь внушительной теткой. Я смотрю, как он возвращается к входной двери и на один оборот поворачивает замок, а затем вновь подходит к окошку.

«Вот это номер. Что он задумал?»

– Водки дай мне, – в криво сидящей шапке-петушке, с клочками пегой, кустарниковой бороденки он похож на автомобильного болванчика.

– Двадцать два пятьдесят.

В его сторону я стараюсь не смотреть.

– А?

– Я говорю, водка за двадцать два пятьдесят, – голова болванчика в ответ смотрит пустыми, блеклыми глазками. Под одним из них смачный лиловый синяк. – Двадцать два рубля пятьдесят копеек.

– Ты меня не понял... я говорю, водки дай мне.

Не смотреть на него не получается. Лицо полыхает красным, а руки сжимаются и ищут опору. В голову приходит спасительная мысль про мамин перцовый баллончик под стойкой.

«Нельзя. Быстрее сам задохнусь в душегубке этой».

Мужик за стеклом начинает злиться. Его руки лежат на пластиковой кромке окошка.

– Так, дядь... – как можно мягче предупреждаю я его. – Ничего я тебе не дам. Иди давай.

– Ты...

Спасение найдено! Рядом со мной на полу стоит компактный огнетушитель. Красный цилиндр со спусковым механизмом, мой якорь уверенности в себе.

– Дядь, я говорю, домой иди.

– Э-э-х! – хрюкает алкоголик, ухватившись руками за верхнюю створку ведущей ко мне и водке «ковбойской» дверки. Верхняя часть, в отличие от нижней, не была закрыта, и он распахивает ее, хватая меня за лацканы куртки. Я чувствую, как воротник стягивается наподобие петли и становится трудно дышать. Его руки пытаются подобраться поближе к моей шее. – Я говорю, водки дай, су...

Окончание слова улетает в небо. В последний момент я дотягиваюсь до компактного огнетушителя и с размаху попадаю в его лиловый сочный синяк. Грабитель совершенно попорсячи взвизгивает и летит в дальний угол «прихожей». Видимо, он не полностью закрыл замок входной двери. Тот щелкнул, и вошла Настя, продавщица из нового маминого магазина. Дородная тетка, на голову меня выше и с руками вдвое больше моих. Наверное, зашла разменять крупную купюру.

Она проследила за моим взглядом и посмотрела на алкаша, который держался за лицо и тихо скулил.

– Да ты что? – меня потряхивает, волны напряжения расходятся по всему телу, а Настя уже держит алкаша за шиворот, как какого-то нашкодившего котенка. – Ты чего делаешь, чертяка?

– А-а-х... – он только и смог выдавить из себя. Глаз у него выглядит просто ужасно.

– Вали отсюда! – выкидывает Настя его из ларька, как настоящий боец ММА. – Чтоб я тебя больше здесь не видела!

Вечером после работы мама подошла ко мне своей капитанской походкой и обняла меня.

– Стас, ты молодец! Не пропадешь.

– Не понимаю, о чем ты.

– Мне Настя рассказала, как ты отстоял точку...

Она просит рассказать историю еще раз, внимательно слушает и задает уточняющие вопросы, скрестив руки на груди и поджав губы – знак большого беспокойства. А после, вздохнув и слегка улыбнувшись, одобрительно кивает головой и уходит спать. Судя по всему, мой подвиг ее впечатлил.

Мне почему-то кажется, что у меня этих подвигов впереди еще очень и очень много.

Глава 4. Как закалялась сталь

Опрятное кирпичное здание гимназии напоминает букву «Г».

Я провожу здесь изрядную часть времени уже много лет. С тех пор, как мне, семилетнему испуганному мальчику, мама вручила первого сентября исполинский букет георгинов.

Гимназия находится в самом центре нашего микрорайона, буквально в двух троллейбусных остановках от моего дома. В ней три профиля. Физмат – все как на подбор высокие и спортивные парни, будущие инженеры и студенты технических вузов, гуманитарный класс – любители поэзии, начинающие писатели и журналисты, и химбио – по большей части девочки с мечтами о медицинском институте и те, кто не прошел в другие классы.

Я, конечно же, на физмате.

Утром, если нет нужды ехать с мамой на базу, встаю минут за сорок до начала учебы. Умываюсь, ем приготовленный мамой специально к моему пробуждению завтрак, затем бросаю в рюкзак тетрадки (одна общая для всех предметов и несколько отдельных для тех училков, что захотят придрататься) и выхожу из дома. Весной и осенью – в своих любимых широких брюках, зимой – в чем-нибудь потеплее.

Трубы¹ и крутые кепки – отличительные признаки любителя хип-хоп культуры. Мы с парнями угорели по ней не так давно, но уже смело можем назвать себя послами «голоса улиц» и брейк-данса. Собраться после уроков, урвать пару свободных часов для того, чтобы устроить баттл или просто послушать классную музыку, – особенное удовольствие.

А пока – на уроки.

С ними проблем обычно не бывает. Никогда не мог понять, почему у одноклассников все так трудно. Задача-то решается на раз-два. Самое главное – воспринять учителя, выявить его основные требования и выполнить программу-минимум.

Широкими шагами взбегаю по лестнице и открываю входную дверь. За ней – пустынный холл. Большинство ребят уже толпятся около класса в ожидании начала урока.

Металлические прутья вешалок гардероба, между которыми зимой не пройти от раздутых, морозным кулем повисших пуховиков. Пожилой вахтер на проходной. Сколько себя помню, этот мужичок не меняется. Поколения детей вырастают, из наивных первоклашек превращаясь в матерых старшаков, а он все так и сидит на стуле, топорща усы и попивая чай из своего стеклянного стакана.

Первый урок – биология. Вера Васильевна, приземистая грудастая училка из поколения советских танков, наверняка выйдет из лаборантской со своей огромной указкой и устрашающим взглядом. Поднимаюсь на третий этаж и занимаю свое обычное место. До звонка пара минут.

– Что, Стас? – поворачивается ко мне Вася, мой лучший друг. – Страшно тебе?

– От чего?

– Сейчас опрос будет. Васильевна нам устроит, – Вася, как всегда, спокоен. Ему уж точно не страшно.

– Да не, не думаю, – отвечаю я, и следующие мои слова тонут в громком звуке звонка на урок.

Вера Васильевна, в платье, похожем на штору, выходит из приоткрытой двери лаборантской.

– Доброе утро, садитесь! – проходя мимо парт, она стучит по руке указкой размером с бильярдный кий. У этой дамы замашки тюремной надзирательницы. – Тема сегодняшнего урока – круги кровообращения. Рассказывает...

¹ Трубы (здесь) – сленговое наименование широких штанов, которые с давних времен так полюбились многим рэперам.

– У-уфф! – Леха, сосед по парте, явно не готов: лицо красное, а воздух со свистом выходит из носа. В жизни резкий и боевой парень, а тут... занервничал.

– Рассказывает нам...

Выцветшие глазки цепляются за мой слишком уверенный вид.

– Шамаев!

От облегчения одноклассников температура в классе падает сразу градусов на пять.

– Стас, выходи к доске, – торопливо шагаю по линолеуму. Васильевна любит быстрые ответы. – Скажи нам, Шамаев, головной мозг кровоснабжается через большой круг кровообращения или малый?

Вот подстава! Ехидно смотрит на меня, понимая, что застала врасплох. Я вглядываюсь в глаза-блюдца одноклассников и понимаю, что от них помощи ждать не приходится.

– Ну-у-у... головной мозг – один из самых важных органов человеческого тела...

– Та-а-ак... – старушка заскучала. Не увидев моего испуга и дрожи перед классом, она впала в уныние. Авось сама наведет на правильный ответ.

– Он работает даже тогда, когда мы спим, и...

– И что?

Наконец-то я вспомнил.

– И он кровоснабжается артериальной кровью! – в этот момент хозяйка-самой-большой-в-мире-указки определенно расстроена. Ей кажется, что я читал. – Поэтому, например, при повреждении сосудов кровь может бить фонтаном!

– Ну а если кровь артериальная, то круг?..

– Э-э...

– Ну, Стас, вспоминай! Вижу же, что читал! Бо...

– Большой, Вера Васильевна, большой!

– Ладно, садись, хорошист наш.

Удивительно приятное чувство – возвращаться обратно на место провожаемым изумленными взглядами одноклассников. Бедняги думают, что я провел ночь за книжками, хотя на самом деле пробежал глазами несколько страниц! В школе всегда так. Получить хорошую оценку по математике – значит думать логически, а не просчитывать огромные числа, пытаюсь поделить их в столбик, пятерка по английскому – зачастую результат метода исключения и способности внимательно слушать, а география – просто эрудиция. Отсюда, думаю, все мои «хорошо» да «отлично». А еще, конечно, от соревнований (учителя любят менять личное отношение к тем, кто идет им навстречу) и организации множества экскурсий.

Когда Федот, мой друг из параллельного класса, он же Миша Федотов, или Женя, серая мышка с задней парты, отказываются ехать в Тарусу посмотреть дом Марины Цветаевой, разговаривать с ними приходится мне.

Выглядит это до колик забавно.

– Женя! – подхожу я к ней в коридоре. Она сидит на подоконнике. – Ты с нами едешь на экскурсию посмотреть дом Цветаевой?

– Стас, ну я, – начинает мяться, – я даже не знаю. У меня планы были.

– Какие?

– Ну... личные.

Смотрит она куда-то в сторону, при этом не переставая краснеть.

– Слушай, Женя, – подсаживаюсь к ней на белую масляную гладь подоконника, – поехали, а? Федот расстроится, если тебя не будет.

– Какой Федот? – очевидно, в гуманитарном классе ее интересуют не только иностранные языки.

– Ну Михан. Миша Федотов, друг мой.

– А-а-а, я просто девочке одной обещала прийти, но...

– Но можешь прийти к ней и после экскурсии, да ведь? – спрыгиваю с подоконника, пока она не успела передумать или, что еще хуже, спросить, из-за чего именно расстроится Федот.

Всю поездку она от него не отойдет и на пару метров. Даже когда дама-гид будет показывать на «ту самую, злополучную для Серебряного века потолочную балку, ставшую для великой поэтессы смертным одром», демонстративно сморкаясь в расписной фланелевый платочек.

После уроков собираю вещи и бегом на улицу! Долгожданная свобода! Вперед, навстречу вещам, по-настоящему важным! Приятелям, нашим рэп-тусовкам, всему неформальному движу и карате.

Там все серьезно. Шотокан, один из стилей карате-до, – спорт для крепких духом. Все эти киношные «Кия!» и «Аригато!» в конце каждого боя – одна большая ложь и мистификация. На практике есть только тяжелый труд, почти слышимый скрип и боль напрягшихся до предела мышц и в конце... звонкий удар в челюсть и падение проигравшего на татами.

Тренер, массивный дядька лет сорока, никогда не участвовал с нами в спаррингах. Все больше смотрел издали и покрикивал, если бой из спорта переходил в петушиную возню. На моей памяти он только один раз позволил себе чуток помять слишком зарвавшегося юнца. Того не хватило и на полторы секунды. Пара мгновений, почти молниеносные движения рук, и мой сверстник, мотая головой, как кот из мультика «Том и Джерри», лежит, созерцая потолок.

В любимчиках я у него не ходил, но второй синий пояс получить все-таки смог. Даже думал над тем, чтобы продолжить заниматься и дальше, но уже серьезно, профессионально, отдавая всего себя делу. Да только вот перспектива провести всю жизнь, оттачивая навыки удара правой и маха левой, не очень-то радовала.

Шотокан шотоканом, но у меня есть родные. А еще друзья. Мы с ними, что команда спецназовцев из игры Counter Strike, в которую играли с регулярным упорством, – если вместе, то и против террористов не страшно!

Что же касается реальной жизни, то с религиозными фанатиками и любителями закладки бомб нам столкнуться не получится. Но вот проверить друг друга на прочность, когда в очередном дворе нашу компанию приметит кучка скинхедов...

Глава 5. Проверка на прочность

Бритоголовые, марширующие в своих армейских берцах фанаты кожаных курток, отстойной музыки и избияния мальчишек на десять лет младше однажды набрели на нас во дворе, где мы обычно слушаем новинки Артема. Он приезжает из Москвы на каникулы и каждый раз привозит с собой что-то новенькое. Своего рода хедлайнер нашей хоперской тусовки.

– Ребят, – Вася, наш дипломат, от природы талантливый переговорщик, кивает в сторону приближающейся компашки из десяти человек. – Скины на подходе.

– Ну, сейчас поболтаем, – Федот, среднего роста и спортивного телосложения, ухмыляясь, вскакивает с заборчика, на котором сидел все это время, и осматривает пришельцев своим цепким взглядом.

– Что, пацаны, – похоже, это их главный. Лужайка на голове напоминает кофейное пятно, руки болтаются из стороны в сторону, а рот полон редких желтых зубов, – всё негров своих слушаете?

– А тебе-то что? – Эдгар, парень, переехавший из Армении сюда пару лет назад, профессиональный борец, вышел немного вперед. Надежная скала. Считай, мыс Доброй Надежды.

– А то, что чурки они... Вы знали, что их только враги Родины слушают? Культура их такая же черномазая, как и они сами. Не слышали, что они у себя в Америке конкретное беззаконие развели?

– Я слышал... – Федот сам не свой от напряжения. В такие моменты он бывает слишком резок, – слышал, что те, кто бошки бреет, – так это от импотенции.

– Миш! – Вася, похоже, пытается остановить поезд, хватая нашего друга за рукав, но тот отдергивает руку.

– Да ты что, пес? Зубы лишние? – приблизился на убойную позицию лидер скинхедов, прожигая Федота пристальным взглядом.

– А ты чего дерганый-то такой? Угадал, что ли? – Миша начинает слегка раскачиваться с пятки на носок и незаметно разминать плечи. Видимо, понимает, что необходимо разогреться перед боем.

– Молись давай неграм своим, – повод найден. Бритоголовые своего добились.

– Слышь, Русик, дай я его сам ушатаю, – вышел из толпы сбитый клон-скинхед, скинув потертую кожаную куртку с орлом на спине и поиграв мышцами. – У меня с дерзкими разговор короткий.

Наше положение незавидно. Мы заперты в самом углу – между панельной стеной пятиэтажки и асфальтовым полотном парковки.

Те, кто не дрался на улице, представляют, что все драки длятся по полчаса, как в большинстве второсортных боевиков, – удар с паузой на передышку, затем второй удар и так далее. В реальности события разворачиваются молниеносно, и зачастую все заканчивается за минуту, а то и меньше.

Скинувший куртку бросается на Эдгара, который стоит ближе всех, но сразу же отхватывает сочного леща по спине и отлетает в сторону. На меня в этот момент набрасывается сбоку бритоголовый, и я отточенным ударом ноги отправляю его в нокдаун.

Еще несколько секунд, и мы уже стоим спина к спине, выставив руки вперед и чуть согнув ноги, для устойчивости. У меня порвана футболка, но повреждений нет. Федот, отбиваясь от двоих, успел пропустить один удар в бровь и улыбается, щурясь от крови, сочащейся из легкой сечки. Вот Эдгар кидает через себя худощавого парня, и тот падает, выдыхая весь накопленный воздух из легких. Артем, несмотря на уже сбитые в кровь костяшки, серией ударов уносит в нокдаун следующего из толпы скинов. А Вася, в целостности пока и сохранности, дает пинка уже пропустившему пару ударов парню, который на полголовы ниже его и немного худощавее.

Мы успешно отбиваем атаки тех, кто еще не теряет надежды наказать дерзких рэперов. Желтозубый лидер при попытке провести апперкот прыгает влево, уходя от мускулистых рук Эдгара...

– Э-эгх!

...чтобы напороться на вовремя подставленный кулак Артема. Красавчик Тема явно подгадал момент.

Этот танец продолжается еще секунд двадцать и внезапно стихает. Гопота привыкла к легкой добыче. К разбегающейся добыче, которую можно угостить напоследок порцией отменных тумачков и, упившись сознанием собственной силы, отправиться домой. А тут... похоже, что им впервые не повезло.

– Ладно, парни, – запыхавшийся лидер бритых отступает. У него из носа хлещет кровь, заливая пыльную кожанку непонятно-серого цвета. По глазам видно, что он растерян, – чего этих чурок трогать. Не виноваты же они, что под негров ложатся.

– Ты беги-беги! – хохотнул Федот. – Время принимать таблеточки, угадал?

– Ты, русский, аккуратно по району ходи. Как бы об столб не ударился, – крикнул «спортсмен», поднимая свою верхнюю одежду. Он весь в грязи, лицо в ссадинах, на скуле начинает проявляться, как негатив пленки, большой синяк.

Его угрозы растворяются в нашей концентрированной, чистой победе. Еще несколько секунд я смотрю на удаляющихся помятых скинхедов, затем перевожу взгляд на своих друзей и пытаюсь понять, какой опасности мы только что избежали.

– Слушайте, ну после этого грех новую песню не записать, – засмеялся Эдгар, и мы его поддержали. Я думаю, что наши победные крики услышал весь микрорайон.

Мы впятером дали отпор десяти скинхедам! Вместе мы – сила!

Эта ситуация еще больше сплотила нас и дала мне понять, что такое настоящая дружба. Настоящий друг всегда готов постоять за тебя и подстраховать в тяжелой ситуации. Он никогда тебя не бросит, даже если ему грозит опасность.

И я был в этот момент счастлив, что у меня есть такие друзья.

Глава 6. «Загадочная» любовь

– Шамаев, ты чего идешь-то за мной? Хвостик, что ли?
– Не хвостик я, – Зефир всегда так. Вредничает, хотя сама совсем не против прогуляться вместе после школы. – Темно же. Сама ведь просила до дома проводить.

– Тебе показалось. Ни о чем я тебя не просила.

Остаток пути проходим молча. Я изредка пытаюсь вставить пару-тройку фраз, вроде таких:

– У тебя завтра математика с Антоновной?

– Угу, – надулась и семенит впереди, как бы заставляя бежать за ней.

– Может, помочь чем? У вас там контрольная по проекциям, а у меня ответы есть.

– Не-а, не надо.

Вот и весь разговор. Очередная мелкая ссора, причем на ровном месте.

С Зефиром, так я прозвал Зину от природной мягкости и смешного созвучия, мы встретились полгода назад. Она мне сразу понравилась.

На два года младше меня, высокая, стройная, красивая брюнетка с короткой стрижкой и темно-ореховыми выразительными глазами выделялась среди остальных восьмиклассниц. Если бы я ее встретил на улице, больше бы поверил, что она оканчивает школу или учится на первом курсе института.

Все девочки ее класса на переменах сбиваются в стайки, шушукаются и сплетничают о чем-то. Ни подойти, ни слова сказать – сразу повернутся друг к дружке и хихикают. Зина-Зефир не из таких. На переменах ни с кем, кроме пары-тройки лучших и верных подружек, не общается. Гораздо чаще гордо сидит на подоконнике и читает книжку. А иногда, как будто смеха ради, вливается в самую шумную компанию, прямо в центр горячей дискуссии, и выступает так страстно, будто обсуждают дело всей ее жизни.

Несмотря на ее странности, парни за ней волочатся, что вагоны за электровозом.

Со мной все как-то по-другому вышло. Как будто она сама включила меня в свою жизнь.

Перемена между третьим и четвертым уроками. Через четыре минуты – английский и четвертная контрольная.

Олег Анатольевич, наш препод, ехидный любитель задать вопрос посложнее и дать предложение позаковыристее, наверняка уже потирает руки от нетерпения. Мы с парнями, Васей и Мишей, стоим неподалеку от двери, пытаюсь за оставшиеся мгновения вызубрить текст про Великобританию.

– Стас? – Миша дергает меня за манжету рубашки.

– М-м-м?

– Анатолич не говорил, косвенная речь будет?

– Чего? – отрываюсь от списка обязательных слов, чтобы переспросить.

– Какая речь? Косвенная?

– Не знаю, нет вроде. Он эту тему, по-моему, вообще не объясня...

– Привет, парни!

Зина. Возникла непонятно откуда и смотрит прямо на меня. Белая блузка и черные, имитирующие кожу брюки – известное бунтарство. До урока три минуты.

– Привет, Зефир, чего тебе? – мне сейчас не до сантиментов – я уже сосредоточен на предстоящем уроке.

– Шамаев, может, прогуляемся после уроков?

– Кх-хм! – Вася, покрасневший от сдерживаемого смеха, отходит и отворачивается куда-то в сторону.

– Так что? – смотрит на меня не отрываясь. – Отказываешься? Так и скажи, что темноты боишься!

– Ничего я не боюсь! – Зина очень хороший манипулятор – я тут же повелся. – Давай прогуляемся. Кстати, я знаю неплохую кафешку, можем там посидеть.

Раздается звонок. На мгновение поворачиваюсь, чтобы дать парням возможность зайти в класс. Снова смотрю в ее сторону, а Зины-Зефира уже и след простыл. Вот чудачка.

Так мы начали встречаться. Гуляли по парку, ходили в кафе, вспоминали истории из детства, делились своими впечатлениями о школе и мечтали о будущем. С каждой встречей наши отношения становились все теплее и выросли в нечто большее, чем дружеские. Ну, так мне казалось.

Однажды, как и всегда, мы встретились после уроков. Уже включились уличные фонари, и наст на сугробах переливается, как одеяло из бриллиантов. Снег под нашими ногами мягко, почти по-новогоднему похрустывает. Мы рассказывали друг другу, как прошел день.

Но внезапно все меняется. Вот она машет кому-то рукой. В пяти метрах от нас останавливается байк, и парень, слезая со своего «коня», обнимает подбежавшую к нему Зину. Они начинают оживленно о чем-то разговаривать, а я в это время стою в стороне. Все-таки решаюсь подойти и познакомиться. Но Зина, то ли почувствовав, то ли заметив боковым зрением мое приближение, целует байкера в щеку, и тот рвет с места, вырывая на дорогу.

Видимо, он был из ее тусовки.

Да уж, парадокс. Интересно нас связала судьба: я увлекаюсь рэп-культурой, она – роком. Мне нравятся *2Pac* и *Biggie*, ей – «Ария» и «Король и Шут».

Но это не помешало нам сблизиться.

Хотя так ли это? Чувствую, как внутри что-то поменялось. Такое ощущение, словно оборвалась незримая нить, нас связывавшая.

– Ну что, пойдём? – глаза у Зины горят, как будто она только что разговаривала с Кипеловым.

– А что за парень, с которым ты сейчас общалась? – аккуратно спрашиваю я, стараясь не проявлять своих чувств.

– Да так, один знакомый с концерта, – машет она рукой. – Пару раз виделись.

Мы продолжаем идти по аллее, выдыхая облачка пара. Под ногами поскрипывает снег.

– А мне показалось, что вас связывает как минимум дружба.

– Стас, ты ревнуешь? Серьезно? – у нее удивленное лицо, будто я сказал что-то, ее шокирующее.

– Забудь.

– Подожди, – она останавливается. – Я что, твоя собственность?

– Всё, проехали. Пойдем, провожу, – я беру Зину за руку, но она ее выдергивает.

– Сама доберись! – впервые за все время нашего общения резко отвечает Зефир и ускользает шаг, вырываясь вперед. Это уже не похоже на те мелкие ссоры, которые нет-нет да и случались с нами до этого момента.

Я не стал что-то говорить вдогонку. Просто пошел за ней. Наверное, из-за чувства ответственности. На улице уже стемнело, и оставлять ее одну, когда обещал довести до дома, я считал недопустимым.

Зина не сбавляла скорости и молчала всю дорогу до своего подъезда. Вместо того чтобы обмолвиться парой словечек, как обычно, она захлопнула тяжелую, на скрипучей и сильной пружине дверь прямо перед моим носом.

Домой я возвращался в подавленном настроении.

«Очень странно, – размышлял я всю дорогу. – Возможно, она хотела, чтобы я извинился? Но за что? Получается, что я должен был просить прощения за вполне закономерный вопрос?!»

Я попросился с этими мыслями, когда снимал дубленку в своей прихожей, и решил переключиться на что-то более логичное. Например, на домашку, которой задали сегодня прилично. Мама меня научила не откладывать дела на потом, и я старался сразу решать домашние задания, чтобы позже уже с чистой совестью идти гулять с друзьями.

Следующие наши встречи с Зиной были более прохладными. На одной из них, в надежде вернуть былую теплоту наших свиданий, я пригласил ее в кино.

После сеанса на обратном пути Зефир внезапно выдала:

– Ты, Шамаев, прикольный парень, что сказать. Не как остальные нытики.

– Это почему же?

– Никак тебя приручить не удастся.

В самом деле, чудачка. Она что, меня проверяла все это время? И зачем меня приручать?

Таким образом, наши отношения, не успев развиться в нечто большее, через полтора года угасли. Причем в один момент. Не было скандалов и негатива, совместных решений и разговоров в духе: «Стас, я долго откладывала этот момент, но сейчас, думаю, нам надо поговорить».

Однажды она перестала мне звонить и приглашать на очередную прогулку, а я как-то и не стал напрашиваться. Ко мне пришло осознание, что такие отношения не для меня. Понятно, что в каждой женщине должна быть загадка, но не сборник замысловатых ребусов, которые я разгадать не в состоянии. Мое терпение было исчерпано.

Уже потом, когда мы встретились с Мишей на одной из больших школьных перемен, он спросил меня:

– Стас, а что Зефир-то?

– А что она? – я вопросительно уставился на друга.

– Да вы вроде как встречались.

– Теперь похоже, что уже нет.

– Вот так все просто? А как же добиваться расположения дамы? Или, может, уже встречается с кем-то другим?

– Мы расстались с ней – и точка. Теперь просто друзья, – я посмотрел на него умоляющим взглядом. – Давай о чем-нибудь другом, а?

– Ясно. Ну, не унывай, – подмигнул он мне. – Что-нибудь придумаем.

Глава 7. На распутье

В актовом зале гимназии сегодня полно народу. Успевшие прийти раньше мамы и папы, бабушки и дедушки уже заняли первые и средние ряды. Опоздавшие заполняют «камчатку», чтобы присутствовать на одном из самых важных в жизни их детей событий. Сегодня мы выпускаемся.

Девочки – в красивых белых и цветастых платьях или брючных костюмах. Ребята – в костюмах, в кэжуал-стиле или проще: светлая рубашка, темные брюки. У каждого из нас через плечо перекинута цветная атласная лента с надписью – опознавательный знак выпускника.

Задача наша на вручении аттестатов – проще некуда: ждать, когда назовут твою фамилию, не вздрогнуть, когда все-таки назовут, сделать несколько шагов до директора, приветливо пожать руку, принять заслуженный документ и, просяив от счастья (для фото обязательно), уйти со сцены.

Только почему так холодеют руки?

– Аттестат о получении полного среднего образования... – напряженная пауза, как будто я не знаю, кто должен быть дальше, – вручается... – вдох-выдох, – Шамаеву Станиславу!

Я, ведомый голосом директора, поднимаюсь на сцену. Сохраняю спокойное лицо, а после невольно расплываюсь в улыбке, получая корочку на руки. Вот и он – результат моего десятилетнего обучения в школе. Десять лет контрольных работ, сочинений, домашних заданий, физкультурных нормативов и так далее.

Спустя полчаса стоим с парнями на площадке перед центральным входом. Саша Иванов, Федот, Вася и остальные. Вроде знаем, что видимся не в последний раз, что будем общаться и дальше и, конечно, никогда не забудем друг о друге. Но почему-то невольно вырываются фразы вроде:

- Парни, ну вы все равно там, не забываете.
- Стас, ты чего?.. Еще весь вечер впереди.
- Ну в самом деле, Шамаев.

Удивленно округленные глаза и дружеские хлопки по спине. Все сначала улыбаются, как бы смеясь над временем, над его невозможностью разлучить. А потом отводят глаза, потому что знают – еще как разлучит. Как сказала во время прощальной речи наша классная руководительница, смахнув слезу: «Впереди вас ждет взрослая жизнь».

Школа закончилась, и хип-хоп культура теперь будет буйным цветом цвести в перерывах между парами, а не во дворах сереньких спальных районов.

Тем более университеты уже выбраны.

Для кого-то калужский филиал Бауманки: сопромат, высшая математика и бессонные ночи перед очередной сессией. Для кого-то инженерный факультет: механика колесных машин и зажатые под мышкой тубы с чертежной бумагой. Выпуск у нас как на подбор – одни технари.

Только Федот, которому часы, проведенные за уроками, всегда казались пресными, выбивается из общей картины. Лучшего повода для шуток и не найти.

– Я, ребят, так считаю, – сделал он умозаключение, – чем логарифмы считать, пошли бы на соцфак.

– Пф-ф-ф, – Вася, обычно сдержанный, в этот раз не стесняется смеха. – Что, Федот, троебасы подвели?

– Это тебя рост подвел, – огрызается Миша. – Я на соцфак иду, чтобы лишний раз не париться. Надоела эта пахота учебная...

– Федот правильный выбор сделал. Будет бабушек обслуживать. Продукты им приносить. Благое дело, как ни крути, – рассудительно подколол я друга.

Взрыв смеха.

– Пошли вы все... – похоже, что подкол засчитан. – Сами потом от своей учебы вззоете. Считалось, что соцфак – последний вагон для тех, кто не успевает поступить на факультеты посерьезнее, но вышку получать все же хочет. Из учебных дисциплин – библиотечное дело и основы кадрового учета, а самые большие опасности – жениться в двадцать (кандидаток в новобрачные хоть лопатой загребай) или попасть на практику соцработником: все лето носить пакеты с продуктами и мыть полы в квартирах пенсионеров.

– Не, ну правда, Миш, – меня понесло. – У меня в доме много бабушек живет. Так мы, может, чаще с тобой видаться будем.

– Стас, ты смотри сам с бабками своими там не обломайся, – Федот мстит за удачную шутку. – На инязе.

Да. Спустя несколько месяцев, после подготовительных курсов и сданных вступительных экзаменов, было решено – иностранный.

Возможно, повлиял тот факт, что мама в свое время привила мне любовь к чтению литературы, как русской, так и иностранной. Помню, с каким интересом я в детстве слушал перед сном увлекательные рассказы и сказки, а став чуть старше, уже сам зачитывался приключенческими романами и фантастикой, а также периодически листал New Yorker.

А возможно, я сделал выбор из-за того, что английский мне очень сильно импонировал: нравилось, как звучат слова, нравилось их произносить, обожал те моменты, когда мы с мамой общались на английском языке.

Но у меня еще был один вариант. Невзирая ни на что, я усиленно готовился последний год к поступлению в Высшую школу ФСБ.

И когда уже пришло время подавать документы...

– Стас, не будем, ладно? – мама стоит в дверном проеме с пультом от телевизора.

– Ты о чем?

– Я про ФСБ.

– А чего так? Я же неплохо подготовился, мам.

– Ну, пойдем, – зовет меня в гостиную к включенному телевизору, – глянешь.

По Первому каналу репортаж Политковской сменился сюжетом о Чечне, где красные, изможденные и высушенные ветром и пороховым дымом срочники вытаскивают из «УРАЛа» груз-200. Ребят, с которыми еще недавно сидели в окопе.

– Вы в первых рядах пойдете, сына. Как командный состав. Притом твои настоящие знания там не пригодятся.

Больше об Академии ФСБ речь не заходила.

Так и вышло, что инженерное дело и военная служба как-то сами по себе сменились основами языкознания и заучиванием наизусть «Гаудеамус игитур». А еще... английским. По итогам конкурса я был распределен в более слабую группу иняза (подкачал трояк на вступительных по русскому языку, хотя английский сдал блестяще).

Глава 8. Болезненный переход

Я сижу на первой паре в новой группе. Вижу, как открывается дверь и появляется голова мамы.

– Женщина, вам чего? – преподаватель, худенькая молодая девушка, явно растеряна и возмущена.

– Извините! – улыбается мама. – Стас, можно тебя на секундочку? Желательно с вещами.

Я подхватываю портфель и направляюсь к выходу, чувствуя, как спину буквально прожигают десять пар глаз.

– Мам, ты чего? У меня пара идет, – наконец-то выхожу в коридор, прикрыв дверь в аудиторию.

– Ну и мы, значит, пойдем, – мама выдала очередную фразу из разряда тонкого юмора, и я поневоле улыбнулся.

Через полминуты я оказываюсь в другом кабинете.

– Галина Александровна, простите? – мама обращается к женщине лет пятидесяти, которая стоит за кафедрой с мелком в руке.

«“Простите”? Что-то не похоже на мамин стиль общения».

Леди у доски даже не пытается ответить. Только высвобождает руку из-под палантина и дозволительно машет ладонью – входите, дескать. Я осматриваю небольшую аудиторию – десять человек, двенадцать парт, расположенных очень близко друг к другу, – и занимаю первую попавшуюся парту в среднем ряду. Отсюда отлично видно преподавательницу. Она небольшого роста, плотного телосложения, темно-каштановые волосы подстрижены каре. В строгом кашемировом костюме, а сверху – волны клетчатой ткани, а точнее, накидки. Выглядит она как идол, впитавший в себя все британское: начиная от чая, который следует наливать в молоко, а не наоборот, и заканчивая взглядом Железной Леди и ветрами острова Скай.

Медленно, вальяжно она подходит к кафедре.

– Good afternoon! – демонстрируя хорошее британское произношение, «идол» изучает собравшихся в аудитории студентов и награждает каждого цепким холодным взглядом. Говорит, едва приоткрыв рот и медленно: – Меня зовут Галина Александровна Козырева. Я – ваш преподаватель. Надеюсь, я не разочарую вас, а вы... меня. Чтобы научиться английскому в совершенстве, необходимо долго и упорно работать. Если вы не готовы – до свидания, я никого не держу.

Оглядываюсь по сторонам. Двое парней, остальные девчонки.

Как я выяснил позже, среди них – Ксюша Шумейкер, дочка декана и самая одиозная персона факультета, привыкшая говорить французское «ма-а-а-а-нифик» вместо «отлично».

Не знаю, как это сделала мама, но... как потом мне стало известно, Галина Александровна была ее учителем аж двадцать пять лет тому назад.

Так я оказался в первой группе.

Думаю, если бы не старания мамы привить мне любовь к книгам, обучение давалось бы на порядок хуже. Я был бы совершенно не готов ни к объему обязательной литературы, ни к суровому распорядку дня, который кардинально отличался от школьного.

Сначала – ранний подъем, заброс «сотен тысяч» тетрадей в рюкзак и торопливый маршбросок до института. В нем почти весь день – монотонные лекции английского, иногда в маленьких душных аудиториях, иногда перед двумя-тремя группами, общая численность которых редко превышала тридцать студентов. А после – настоящий кошмар: долгие часы линга-

фонного кабинета². Наушники своей дужкой впиваются в кожу висков, а в них native speaker быстрым темпом диктует текст, в этот раз что-то о Гражданской войне. Civil War, Civil War...

Галина Александровна тем временем постукивает мелком по столу кафедры и задает свои бесконечные вопросы:

– Услышали, коллеги? Звуку "г" на концах предложений свойственно соединяться с гласным звуком следующего слова.

– Да-да-да, – умные мальчики и девочки, advanced-выпускники городских языковых гимназий и лицеев, послушно кивают головой.

– А теперь услышали, коллеги? Деформация буквы "t" в слове water, она произносится почти как русское «д».

И снова:

– Да-да-да.

«Ну просто жуть», – лично я не слышу ни соединяющейся со следующим гласным звуком буквы "г", ни пресловутого «д» – "t". Счастьем будет, если я уловлю хотя бы общий смысл сказанного. А я, наивный, думал, что хорошо знаю английский.

Самое сложное начинается далее.

Занятия прерываются обеденным перерывом (растворимый кофе и на ходу проглоченная сосиска в тесте) и сменяются разговорными практиками.

Модные перваши из ведущих школ города, такие как Ксюша Шумейкер, разговаривают на английском бегло и со вкусом. Он для них почти что родной. Ни единой запинки, ни единого неправильно сказанного слова или неверно употребленного оборота. Лишь иногда прерываются, чтобы перевести дух, набрать в грудь побольше воздуха и незамедлительно выпалить следующую тираду. В общем, как бы сказала Ксюша:

– Ма-а-а-анифик.

Мое среднее школьное образование было совсем не гуманитарным, а с физико-математическим уклоном. Так что учиться мне приходится в два, а то и три раза больше.

В конце учебной недели золотая молодежь, будущие профессора и доценты кафедры английской словесности, идут весело проводить время в компании таких же гениев, как они сами. Кто-то на новый авторский фильм, кто-то на взорвавшую все подмостки свежую театральную постановку. Некоторые, конечно же, продолжают занятия где-то в дополнительных секциях – учеба все-таки дается тяжело не только мне.

А я... иду домой, чтобы перекусить, перевести дыхание и продолжить зубрежку. Глаголы, императивы и формулы. Номинатив, безличные предложения и нетипичные инверсии английского языка. Вот на это я меняю долгие часы ночного сна.

Стремление к знаниям и быть первым? Ничего подобного. Гораздо правильнее – желание хоть как-то поравняться с группой, где стараниями мамы мне теперь довелось учиться.

² Лингафонный кабинет – аудитория, оборудованная лингафонными системами (аудио-, видео- и мультимедийными средствами) для современного обучения.

Глава 9. Разочарование

Миха – повеса и любитель отношений класса «а почему бы и нет». Благо внешность позволяет. Да и одевается более стильно, чем остальные сверстники. Точнее, одевает его мама, торгующая на рынке импортными вещами.

Пока Миша «что-нибудь придумывал» после моего расставания с Зиной, я уже успел поступить в институт и успешно сдать несколько сессий.

Надо сказать, «проснулся» друг Миха вовремя, тут же познакомив меня с Таней, сестрой его девушки.

Красавица брюнетка моего возраста выглядит как самая настоящая леди: высокая и стройная, выразительные черные глаза и темные волосы до плеч, собранные в стильную прическу. Из одежды предпочитает изящные платья и туфельки.

С ней мне как-то роднее. Проще, что ли. Никаких тебе загадочных диалогов и хлопков подъездной дверью перед носом, полное отсутствие непонятого стремления приручить.

Она – полная противоположность Зины, но более женственная и элегантная, очень начитанная, любит русскую литературу и поэзию, к тому же имеет достаточно зрелый взгляд на отношения и вообще на жизнь в целом. С ней очень интересно общаться.

На посиделки в кафе и частые походы в кино денег особенно нет. Поэтому все чаще, в свободное от учебы и встреч с друзьями время, просто ходим с ней по улице и о чем-нибудь болтаем. Болтаем, пока не надоест.

Михан не отстает. Мне он, конечно, ничего не говорит, но, судя по тому, как они томно переглядываются с Танькиной сестрой, у них там все серьезно.

Следующий шаг очевиден. Придется вести обеих в театр! Не все же гулять под жарким июльским солнцем да о преподах разговаривать.

Накануне сидим с Михой на лавочке во дворе моего дома и все планируем. Я серьезен, как будто это не свидание в театре, а план «Барбаросса».

– Так, Мих, смотри, – загибаю пальцы на руке, как бы пересчитывая все, что уже успел сделать, – билеты я нам всем купил. Розы... я думаю, не будет для тебя проблемой найти.

– Какие розы?

– Мих, не тупи. Какие розы? Красные.

– Я в том смысле – зачем?

– Тебе Даша нравится?

– Нравится, конечно.

– Ну вот и покажи ей свою симпатию. Продемонстрируй, – порой мне кажется, что приятель живет в каком-то другом мире. – Давай подарим нашим девушкам хотя бы чисто символически по одной небольшой розе.

– Хорошо, давай так и сделаем.

Оглядываю Михин ежедневный outlook и спрашиваю:

– И еще... Одеваемся в костюмы. Прикольно ведь? Притом театр. Наши девчонки в красивых платьях, мы в элегантных костюмах.

– Да, крутая идея! – мой друг вскочил с лавки и медленно развел руками в стороны. – Я прямо вижу эту картину: театр, наши девчонки в блестящих платьях, мы, как истинные аристократы, в костюмах с бабочками. В зубах у каждого по розе... танго перед спектаклем...

– Думаю, что с танго ты перегнул, – засмеялся я. – Не будем мучить девушек и цветы грызть тоже. Сразу подарим и пойдем на спектакль. А в целом все верно. Найдешь костюм?

– Да, конечно. Спрашиваешь...

Я смотрю в его ироничные глаза, и мне верится с трудом.

– Друг, я тебе это серьезно. Давай не сливайся и не позорься, ладно?

– Да ладно-ладно.

А вот и финальный вечер, вечер "X". Я в костюме стою в фойе театра с небольшой красной розой в руках. Вокруг белые стены с рисунками-фресками, а над головой большие хрустальные люстры. Вдалеке слышу звуки разогревающегося оркестра. Видимо, будет много музыки.

В фойе собираются люди: красивые дамы и предстательно одетые кавалеры, пожилые театралы и даже несколько семей.

«Ну где Михан-то? – я начинаю нервничать. – Договаривались же за полчаса встретиться».

А вот и он! Миша...

...одетый в клетчатый джемпер и джинсы, на ногах – остроносые туфли.

– Миш, это что?

– Что? – он, похоже, даже не понял вопроса.

– Блин, Миха, ну договорились же в костюмах прийти!

– Дружище, ну не вышло. Но розу-то я купил. Вот, – он вытягивает вперед руку, показывая слегка подувший цветок с помятым бутонем.

– Да уж...

Я хотел сказать Мише, что он, по сути, нарушил наш устный договор и разочаровал меня. Но не успел...

Из-за высокой колонны, отделяющей холл от гардероба, вышли Таня и Даша. Они – ослепительно красивые, в стильных платьях, волосы убраны в прически «а-ля светский вечер», на лицах – широкие радостные улыбки.

Мы дарим цветы девушкам. Я мельком обращаю внимание на Мишу, которого, видимо, ничего не смущает.

Похоже, если хочешь сделать что-то хорошо, надо делать это самому.

К тому же я понял, что в нашей повседневной жизни те, кто не сдерживает обещания, как бомба замедленного действия – рванет, когда наступит критическая ситуация.

С тех пор с Мишей я стал общаться более отстраненно, уже не полагаясь на него как на друга.

Так на примере Зины-Зефира и Михаила я осознал, что человека характеризует его окружение. Какое оно, таков и он сам.

Ведь каждый из нас волен выбирать людей, которые будут с нами рядом. И в результате этого выбора мы меняемся. Меняется не только наше настоящее, но и будущее.

Глава 10. Цыган коня не проморгает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.